

Предисловие

Какую форму принимает радикальная политика сегодня? Какой вид воображаемого, какой политический и этический горизонты воодушевляют современную борьбу? За какие альтернативы нынешнему политическому и экономическому порядку ведется борьба?

На подобного рода вопросы обычно отвечают либо циничным пренебрежением, либо разочарованными вздохами – везде, где господствовал неолиберальный капиталистический режим. Даже после самого серьезного кризиса со времен Великой депрессии, когда его катастрофическая структура обнажилась и стала видна всем, когда он уже оказался максимально слаб и уязвим, глобальный финансовый капитализм, при огромной государственной поддержке, был воскрешен с того света, и вот теперь он вступает в свою новую странную жизнь.

Пусть эта жизнь и загробная, но у загробных жизней есть одна прискорбная тенденция – они длятся долго.

Продолжающийся экономический кризис не только не положил конец неолиберальному капитализму, он его еще и утвердил. Подливая масла в огонь, вместе с политикой жесткой экономии, он сделал возможным еще большее вторжение рыночной рациональности в повседневную жизнь, а масштабы накопления богатства мировым классом плутократов – еще более непристойными.

Наша жизнь все больше и больше контролируется диктатами рынка, необходимостью работать, угрозами нестабильного заработка, бедности и долгов. Однако непостижимое навязчивое стремление продолжать в том же духе нас никак не отпускает, ведь все это время нас преследует постоянное присутствие призрака катастрофы. Альтернативные перспективы кажутся туманными, почти невообразимыми. Краткие вспышки сопротивления были потушены или угасли сами. Великое Ничто поглощает и без того истощенное политическое воображение, создавая на его месте зияющую пропасть, которая рискует быть заполнена новыми опасными формами реакционной, популистской и фашистской мобилизации.

Так где же нам искать лучики надежды? Несмотря на очевидную мрачность настоящего, эта книга написана не для того, чтобы внушить пессимизм и отчаяние. Ее цель скорее в том, чтобы исследовать контуры новой политической топографии, которую нам открывает нигилизм современных обстоятельств. Я хочу сказать, что, несмотря на неоднозначность и опасность почвы у нас под ногами и кажущуюся непобедимость тех сил, которым мы противостоям, мы тем не менее являемся свидетелями появления новой парадигмы радикальной политической мысли и действия, которые принимают форму автономного восстания. Позволю себе смелость утверждать, что, если отвлечься от бессодержательного спектакля суверенной политики, мы можем уловить особый альтернативный мир

политической жизни и действия, которые не могут быть названы иначе, как анархистскими. Под этим я имею в виду идею такого режима политики, центральное место в котором, вместо управления с помощью и посредством государства, занимают самоуправление и свободная спонтанная организация.

Автономная политическая жизнь

Примером такой автономной формы политики, несмотря на относительно недолгое существование и неоднозначное, неопределенное будущее, может служить движение «Оссиру», распространившееся в последнее время по всему миру. Неожиданные собрания простых людей на площадях и в других общественных местах разных уголков света: на площади Тахрир и Уолл-стрит, в парке Гези в Стамбуле и на улицах Гонконга – воплотили собой совершенно новую форму политической активности, в которой построение автономных, самоуправляемых пространств и отношений стало важнее формулирования повестки и предъявления власти конкретных требований. Хотя эти события происходили в разных политических контекстах, все они были связаны общим требованием простых людей права на политическую жизнь в оппозиции к режимам и системам власти, которые до сих пор им в этом праве отказывали. Важно, что при этом они отвергали принятые каналы политической коммуникации и репрезентации. «Indignados» на испанских площадях выкрикивали: «Вы нас не представляете!» Здесь необходимо расслышать и правильно понять двойное значение: это одновременно крик возмущения политической системой, которая больше не представляет интересы простых людей, и отказ от репрезентации, в принципе, отказ от того, чтобы политики высказывались за простых людей, интерпретировали (неизбежно предавая) их интересы. Это равноценно тому, что люди на площадях кричали бы: «Вы нас не представляете! И вы никогда не сможете нас представлять!» Хотя все это привело к тому, что многие (как левые, так и правые) отвергли такие движения как антиполитические, непоследовательные и дезорганизованные, их критика лишь высветила то, что сами они не способны смириться с тем, что собой представляет альтернативная модель радикальной политики. Более того, действительно поразительно в отношении этих движений то, что они отвергают структуры руководства и централизованные формы организации. Вместо этого они смогли найти свою самобытность в порожденных ими сетевых и ризоматических формах политической жизни.

Тем не менее эти невероятные по своей смелости события были всего лишь наиболее заметными и яркими проявлениями более широкого и глубинного движения сопротивления, спонтанно распространившегося по нервным центрам современного общества. Так, например, мы можем говорить о таких видах активности в киберпространстве: от «WikiLeaks» до «Anonymous» – с помощью которых анонимные сети ведут информационную войну с государством. Сюда же можно отнести мобилизацию в поддержку нелегальных мигрантов, против пограничной системы контроля и наблюдения, автономные движения коренных народов, протестный мир климатических лагерей, сквотов, социальных центров, экопоселений и альтернативных форм экономики.

На мой взгляд, подобные пространства, движения и практики являются пост-этатистскими. Они открывают для нас политическую территорию, которая больше не организована

государственной властью и репрезентирующими ее структурами и не ориентируется на них. Либерально-демократическое государство пережило катастрофический кризис легитимности, его завесы и покровы разорваны в клочья: спасение банков и подавление протестов обнажили позорную правду о государственной власти и политических элитах, которые ей управляют. В современных либеральных обществах государство все чаще выглядит как нечто вроде пустой оболочки, безжизненного сосуда, машины господства и деполитизации, которая больше даже не притворяется, что она управляет, исходя из всеобщих интересов. Демократические выборы и участие в партийной политике все больше напоминают тайный религиозный обряд, участников которого становится все меньше и меньше. Пока другие озабочены политической апатией и цинизмом, я бы хотел рассказать о своего рода выходе из политической формы либеральной демократии и создании альтернативных автономных политических пространств и практик и даже о возможности новых форм политического сообщества. Важно отрефлексировать значение того, что упомянутые выше автономные движения не направлены на взаимодействие с государством. Они не адресуют ему свои требования и не стремятся захватить государственную власть ни в демократическом, ни в революционном смыслах. Люди, которые собираются на площадях и в общественных местах мегаполисов, смотрят друг на друга, а не на государство. Они воплощают собой стремление к автономной самодостаточной жизни, которая больше не несет в себе отпечатка государства.

Поэтому я считаю, что именно анархизм, а не марксизм и не марксизм-ленинизм, является собой наиболее подходящую парадигму, сквозь которую можно рассматривать эти новые формы политики. Несмотря на последние попытки, особенно в кругах континентальных мыслителей, реанимировать революционно-коммунистическую форму политики, основанную на переосмыслении идей партийного авангарда и фетишизации фигуры великого вождя революции, якобинская модель, по которой организованная, дисциплинированная революционная сила захватывает бразды правления и использует принудительный аппарат государства для реализации «социализма сверху», сегодня уже не работает. Никаких новых Робеспьеров, Лениных и Мао, ожидающих за кулисами своего выхода, чтобы возглавить революционное движение, сегодня уже не будет, и фантазии о захвате государственной власти, будто это благое орудие в руках революционной силы, выглядят уже далеко не так правдоподобно. Радикальные движения сегодня отворачиваются от государства вместо того, чтобы пытаться его контролировать, и отвергают централизованные структуры управления и партийные системы. Если сегодня и существует горизонт политической борьбы (но установление одного-единственного горизонта всегда таит в себе опасность), то этот горизонт уже не коммунистический, а анархистский, или, точнее, как я буду его называть, постанархистский. Это не значит, что те движения и формы протеста, о которых я говорил, сознательно отождествляют себя с анархизмом, как и вообще с любой другой идеологией, это лишь значит, что их практики, дискурсы и способы организации воплощают собой тот анархический идеал, для которого автономия и самоорганизация являются ключевыми элементами.

Структура книги

Эта книга развивает политическую теорию постанархизма. Речь при этом не идет о простом обновлении теории анархизма. Постанархизм – это особый способ мыслить политику и этику по-анархистски. Эта теория опирается в гораздо большей мере на идеи Штирнера, Сореля и Ла Боэси, чем на Бакунина, Кропоткина и Прудона. Некоторые отличия между этими группами мыслителей я описываю в первой главе. Основным отличительным моментом является то, что если анархизм – это проект, целью которого является разрушение государственной власти и построение освобожденного общества, то постанархизм делает упор на анархизме здесь и сейчас, не обремененном этим революционным метанарративом. Центральная идея, которую я здесь представляю – онтологический анархизм, выводимый мною из теорий Райнера Шюрманна и Мишеля Фуко и подразумевающий форму мышления и действия без *arché*, т. е. без стабильных оснований и сущностных особенностей, которые бы определяли их ход.

В следующих трех главах развивается уникальный постанархистский подход к основным областям современной радикальной политики: субъективности, радикальному действию и насилию. В главе второй исследуются способы, которыми, посредством современных неолиберальных режимов власти, производятся управляемые идентичности, опирающиеся, как это ни парадоксально, на определенного рода самоподчинение. Я утверждаю, что единственным способом избегания таких механизмов контроля являются автономные акты политической субъективации. Тем не менее также я считаю, что они больше не могут пониматься в терминах классовой борьбы, политики идентичности или популистской борьбы. Вместо этого я ввожу альтернативную политическую фигуру – сингулярность, то есть нерепрезентируемый и непрозрачный субъект, который я теоретически осмысляю через радикальную философию эгоизма Макса Штирнера. В главе третьей я утверждаю, что революция как способ видения радикального политического действия более недееспособна. Вместо этого я ввожу понятие восстания. И снова, опираясь на идеи Штирнера, восстание я понимаю прежде всего как форму этической и политической самоотрансформации, в которой человек скорее дистанцируется от власти, нежели пытается напрямую бороться с ней. Я применяю это понятие к пониманию современных форм радикальной политики, которые стремятся развивать автономные отношения и практики за пределами власти, а не пытаются захватить ее. В главе четвертой исследуется проблема насилия в радикальной политике. Я утверждаю, что вместо того чтобы пытаться откеститься от насилия, мы должны трансформировать его значение. Опираясь на мысли Жоржа Сореля и Вальтера Беньямина, я развиваю идею насилия как радикального этического разрыва с существующими социальными отношениями, но такого, который в то же время избегает кровопролития. Здесь насилие понимается как онтологически анархическая форма автономного действия, как чистое средство без цели.

Остальные две главы посвящены вопросам свободы и автономии, которые для радикальной политики, безусловно, являются центральными. Однако вместо того, чтобы опираться на привычные стандартные категории человеческой эмансипации и прав личности, которые, как я считаю, на сегодняшний день в значительной степени себя исчерпали, я подхожу к вопросу свободы с противоположной стороны, обращаясь к загадочной проблеме добровольного рабства. Так, в пятой главе я рассматриваю экстраординарный диагноз, к которому приходит Этьен де Ла Боэси относительно этого феномена: наше странное стремление к собственному доминированию. Однако следствием этого является то, что все

формы власти опираются на наше самоуничтожение. Это раскрывает нам радикальный потенциал воли и великую тайну власти – ее собственное несуществование. Эти следствия рассматриваются в заключительной главе, где я в общих чертах описываю постанархистскую теорию автономии, отличную от ее кантианского и либерального понимания и несводимую к демократической политике. Вместо этого автономия, в моем понимании, основывается на состоянии онтологической анархии и на осознании того, что мы всегда уже свободны.

Постанархизм, в отличие от многих традиций политической теории, – это политика и этика безразличия к власти. В действительности, я настаиваю на фундаментальном различии между политикой и властью. Вместо того чтобы стремиться к созданию нормативных основ или новых видов политических институтов, постанархизм утверждает наличие имманентной способности к автономной жизни и постоянно присутствующих возможностей свободы.

Версия #1

Зверобой создал 8 июня 2025 12:14:21

Зверобой обновил 8 июня 2025 12:15:00